

Елена Е. Чижевская

Белорусский государственный университет
ул. Мясникова, 38, 220050 Минск, Беларусь
E-mail: engspeech@hotmail.com

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ В ПРАКТИКЕ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В данной статье дан обзор некоторых важных теоретических и методологических аспектов критического дискурс-анализа, а также представлены центральные понятия, термины и категории критического дискурс-анализа в том виде, как они понимаются сегодня в европейском и американском научно-исследовательском пространстве. Иначе говоря, критический дискурс-анализ, будучи междисциплинарным, тесно связан с классической риторикой, лингвистикой текста, социолингвистикой, а также прагматикой. Критический дискурс-анализ – это тип аналитического исследования дискурса, который изучает, в первую очередь, то, каким образом злоупотребление социальной властью, социальное господство и неравенство включаются, репродуцируются, воспроизводятся и отвергаются текстом и речью в политическом и социальном контексте. Он нацелен на понимание и разоблачение социального неравенства и, в конечном итоге, на противостояние ему, будь то гендерное пространство, расизм или др. Язык не обладает силой сам по себе, он приобретает ее лишь тогда, когда его используют облеченные властью люди. Это объясняет тот факт, почему часто анализируется язык тех, кто у власти, кто несет ответственность за существующие неравенства, кто располагает средствами и возможностями изменить существующее положение вещей. Освещение теоретических вопросов критического дискурс-анализа в данной статье сопровождается анализом политического дискурса Дж. Буша по иракскому вопросу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, иракский вопрос, критический дискурс-анализ, власть, стратегии, интенция, персона, аудитория, тон, интенсификация, персонификация, интимизация.

I. Критический дискурс-анализ в европейском и американском прочтении

Анализ дискурса в политике является одним из актуальных научных и научно-практических направлений в современной гуманистике (социолингвистике, социологии, политологии и др.). Являясь инструментом социальной власти, язык служит средством навязывания властвующими своей воли всему остальному населению, средством формирования массовых пред-

ставлений, стереотипов, предубеждений людей в сфере межэтнических и международных отношений, провоцирования конфликтов, т. е. средством манипуляции общественным сознанием. Более того, являясь продуктом как бессознательной, так и целенаправленной идеологической работы, дискурс представляет собой текстуальное выражение идеологий. Таким образом, языковая коммуникация в политике постепенно переходит в разряд самого современного, наиболее эффективного и опасного оружия. Дискурс, как отмечает М. Фуко¹, является не

¹ ТЕРЕЩЕНКО, О. В.; БУРИНА, И. Ф.; ЕЛСУКОВА, Н. А.; КРАСАВЦЕВА, И. Н.; ФУРС, В. В. Эмпирические методы в интерпретативной социологии. In *Выбранные научные работы Белорусского государственного университета: у 7 т.* Минск, 2001, т. I, с. 344–345.

просто тем, что передает борьбу, но и тем, посредством чего борются, за что борются, властью, которую стремятся захватить. Следовательно, не будет преувеличением сказать, что политики без языка и дискурса нет. Поэтому актуальным представляется систематическое изучение политического дискурса, исследование языковых особенностей информационных войн, идеологического феномена и т. д. с точки зрения современной лингвистики и критического анализа.

Критический дискурс-анализ – это тип аналитического исследования дискурса, который изучает в первую очередь то, каким образом злоупотребление социальной властью, социальное господство и неравенство включаются, репродуцируются, воспроизводятся и отвергаются текстом и речью в политическом и социальном контексте. Критический дискурс-анализ нацелен на понимание, разоблачение социального неравенства и в конечном счете на противостояние этому неравенству. По мнению Р. Водак, цель критического дискурс-анализа состоит не только в том, чтобы «внести вклад в отдельную дисциплину, парадигму, школу или теорию дискурса, а в том, чтобы обратиться к насущным социальным проблемам, которые в результате анализа будут лучше поняты и, возможно, начнут решаться»². Таким образом, критический дискурс-анализ призван не только объяснить мир, но и способствовать его изменению.

Некоторые принципы критического дискурс-анализа могут быть обнаружены уже в критической теории Франкфуртской школы до второй мировой войны. В конце 70-х гг. в Великобритании зародилась «критическая лингвистика»³. Представители этого направления выступали против доминирующих официальных (зачастую асоциальных и некритических) парадигм 60–70-х гг. Исследования же, которые проводились в русле этой лингвистики в 1980–1990 гг., вызвали к

жизни более широкое интеллектуальное движение – критический дискурс-анализ, наиболее яркими представителями которого являются Т. ван Дейк, Н. Фэаклу.

Исследователи, которые работают в русле критического дискурс-анализа, в поисках выработки методологии своего направления, обращаются к идеям современных социальных мыслителей. Ссылки на выдающихся ученых Франкфуртской школы и на современные работы Ю. Хабермаса являются широко распространенными в критическом анализе. Большое значение придают работам М. Фуко при рассмотрении такого понятия, как власть, господство или более философского понятия «порядок» дискурса. С недавнего времени многие научные работы по проблемам языка, культуры и общества, написанные П. Бурдьё, становятся все более популярными, особенно популярно введенное им понятие «габитусы».

Цель критического дискурс-анализа – предложить некий особый метод исследования текстов, перспективу теоретизации, анализа и практического применения во всей области исследования. Критическая перспектива может быть обнаружена в таких более частных дисциплинах, как прагматика, нарративный анализ, риторика, стилистика, социолингвистика, этнография, анализ средств массовой информации и др.

Критическое исследование дискурса, как считает Т. ван Дейк⁴, должно удовлетворять ряду требований для того, чтобы эффективно реализовать свои цели:

- критический дискурс-анализ должен фокусировать свое внимание на социальных проблемах и политических вопросах;
- эмпирически адекватный критический анализ социально-политических проблем должен являться междисциплинарным;
- вместо того, чтобы просто описывать структуру дискурса, критический дискурс-анализ должен рассмотреть и объяснить

² ВОДАК, Р. *Язык. Дискурс. Политика*. Волгоград, 1997, с. 56.

³ FOWLER, R.; HODGE, B.; KRESS, G.; TREW, T. *Language and Control*. London, 1979.

⁴ DIJK, T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis. In *Discourse and Society*, 1993, № 4 (2).

ее как параметр (особенность) социального взаимодействия и социальной структуры;

критический дискурс-анализ должен фокусировать внимание на том, каким образом структура дискурса вводит в действие, поддерживает, укрепляет, легитимирует, репродуцирует (воспроизводит) или отрицает отношения власти и господства в обществе.

Говоря о междисциплинарном подходе, Т. ван Дейк считает, что использование языка, дискурса, а также вербальное взаимодействие и коммуникация принадлежат к микроуровню социального порядка. Власть, господство и неравенство между социальными группами являются типичными терминами, которые принадлежат макроуровню анализа. Это означает, что критический дискурс-анализ должен теоретически выстроить мост над пропастью между микро- и макроподходами, так как в ежедневном взаимодействии и опыте макро- и микроуровни формируют единое целое. В настоящее время существует большой разрыв между исследованиями текста и речи, ориентированными в большей степени на лингвистику, и различными исследовательскими подходами в социальных науках. Первые зачастую игнорируют существующие в социологии и политологии идеи и теории о социальном неравенстве и злоупотреблении властью, в то время как вторые редко занимаются детальным дискурс-анализом. По мнению Т. ван Дейка, именно интеграция таких различных подходов очень важна для достижения удовлетворительной формы междисциплинарного критического дискурс-анализа.

Другой представитель данного направления Н. Фэаклу⁵ выделяет следующие основные позиции критического дискурс-анализа:

1. Критический дискурс-анализ обращается к социально-политическим проблемам.
2. Отношения власти репрезентируются в дискурсе.
3. Дискурс охватывает общество и культуру.

4. Дискурс совершает идеологическую работу, иначе говоря, идеология формируется и воспроизводится в текстах, в дискурсе.
5. Дискурс должен анализироваться с учетом исторического контекста.
6. Связь между текстом и обществом опосредована.
7. Дискурс-анализ является интерпретативным и пояснительным.
8. Дискурс является формой социального акта.

Следует отметить, что существует множество типов критического дискурс-анализа, однако у них существует нечто общее в понятийном и теоретических планах. Более того, большинство типов критического дискурс-анализа раскрывают то, каким образом развертываются отдельные дискурс-структуры в репродуцировании (воспроизводстве) социального господства, при этом не важно, являются ли они частью беседы или новостных сообщений или же других жанров и контекстов.

Ключевыми категориями критического дискурс-анализа являются такие понятия, как «власть», «класс», «гендер», «раса», «дискриминация», «интересы», «репродукция», «институты», «социальная структура» или «социальный порядок».

Понятие «власть» (точнее социальная власть групп или институтов) является в контексте критического дискурс-анализа центральным понятием, и это не случайно. Суммируя сложный философский и социальный анализ, Т. ван Дейк дает дефиницию социальной власти, определяя ее как «контроль». Социальные группы обладают властью (в меньшей или большей степени) лишь в том случае, если они в состоянии контролировать действия, сознание и разум членов других групп. Такая способность и возможность контролировать предполагает наличие базы (основания) для осуществления власти (контроля), т. е. предполагает наличие привилегированного доступа к

⁵ FAIRCLOUGH, N. *Language and Power*. London, 1989.

«редким» социальным ресурсам, таким, как сила, деньги, статус, слава (известность), знания, «культура» или к различным формам публичного дискурса и коммуникации.

Существуют различные типы власти согласно наличию различных «ресурсов» (источников) власти, которые применяются для ее осуществления. Однако власть редко бывает абсолютной. Отдельные социальные группы могут контролировать другие группы в большей или меньшей степени, или же контролировать их в отдельных условиях или отдельных социальных сферах. Более того, те социальные группы, над которыми осуществляется господство, могут в той или иной степени противостоять власти или же принимать, укреплять или легитимировать такую власть и даже находить ее естественной. Действительно, власть господствующих групп может быть интегрирована в законы, правила, нормы, обычаи, даже в общее мнение (единный консенсус). Поэтому Н. Фэклу указывает на то, что зачастую в дискурсе люди могут легитимировать, укреплять (или отвергать) какие-то конкретные отношения власти, не осознавая того сами, поэтому он видит большой потенциал в критическом дискурсе-анализе как в средстве повышения самосознания людей.

Представители критического дискурса-анализа утверждают, что доступ к определенным формам дискурса (политическому дискурсу, дискурсу в СМИ и т. д.) и является сам по себе источником власти. Представляется очевидным тот факт, что наши действия контролируются нашим разумом, и, следовательно, тот, кто в состоянии оказывать решающее воздействие на разум людей (например влиять на их мнения, взгляды, знания и т. д.), тот в той или иной мере может контролировать и их действия. Поскольку на разум людей обычно воздействуют тексты и речь, Т. ван Дейк полагает, что дискурс может по крайней мере косвенно контролировать действия людей. Это, в свою очередь, означает, что те социальные группы, которые контролируют наиболее влиятельный

дискурс, также имеют больше шансов контролировать разум и действия других.

Критический дискурс-анализ фокусирует свое внимание на злоупотреблении такой властью, т. е. на том, каким образом злоупотребляют возможностью контролировать дискурс для осуществления контроля над убеждениями и действиями людей в интересах господствующих групп.

Иными словами, Т. ван Дейк разбивает проблему дискурсивной власти на три основных вопроса, ответы на которые должен дать критический дискурс-анализ: каким образом социальные группы, обладающие большей властью, контролируют публичный дискурс? Как такой дискурс осуществляет контроль над разумом и действиями групп, обладающих меньшей властью, и каковы социальные последствия такого контроля (например социальное неравенство)? Как группы, над которыми осуществляется господство, дискурсивно (т. е. через дискурс) могут оспаривать такую власть и противостоять ей?

Критический дискурс-анализ включает в себя несколько этапов. Так, например, рассматривая язык как дискурс и как социальную практику, Н. Фэклу считает, что дискурс необходимо изучать по трем измерениям (величинам): текст, интеграция и контекст. Исходя из этого, он предлагает три ступени критического дискурса-анализа:

- дескриптивный анализ (description);
- интерпретация (interpretation);
- объяснение (explanation).

На первой ступени рассматриваются формальные характеристики текста. На второй ступени критического дискурса-анализа рассматривается связь между текстом и интеракцией – текст рассматривается как продукт процесса порождения (a process of production) и как источник в процессе интерпретации (a process of interpretation). На третьем этапе рассматривается связь между интерпретацией и социальным контекстом, т. е. третий этап касается социальной обусловленности процессов порождения и интерпретации и их социального воздействия.

К. К. Кэмпбелл⁶, являясь американским представителем данного научного американского направления, предлагает четырехступенчатую модель критического дискурса-анализа:

- Дескриптивный анализ.
- Историко-контекстуальный анализ.
- Выбор критической перспективы, подхода.
- Оценка, анализ полученных результатов.

Естественно, все эти ступени анализа интегрированы. Так, критический анализ необходимо начинать с тщательного, исчерпывающего анализа самого дискурса, поэтому первым шагом критического дискурса-анализа является дескриптивный анализ, на котором остановимся подробнее. Посредством этого анализа можно выяснить, какие характеристики делают данный дискурс или группу дискурсов специфическим явлением. Для этого следует ознакомиться со всеми нюансами риторики, с авторским выбором языковых средств, структуры, аргументов и доказательств. Цель этого этапа заключается в том, чтобы дать ответ на два фундаментальных вопроса: какова очевидная цель дискурса (какую цель преследует адресант)? Как «работает» дискурс для достижения цели (какие используются стратегии)?

Дескриптивный анализ может включать в себя следующие категории: *цель (интенция), персона, аудитория, тон, структура, вспомогательные материалы* и др. То, каким образом эти категории представлены и как функционируют в дискурсе, может в значительной степени варьироваться в зависимости от дискурса. В данной модели умышленно исключены из списка категорий дескриптивного анализа особенности аргументации, так как компоненты, которые составляют аргументацию (в традиционном смысле), присутствуют во всех категориях. Следует отметить, что каждую из семи категорий (возможно, за исключением *цели*) следует рассматривать с точки зрения их стратегического функционирования в дис-

курсе. Категория *персона* связана с ролью или ролями, которые берет на себя адресант в стратегических целях. Так, обращаясь к своему народу, президент США может взять на себя роль главнокомандующего вооруженными силами, роль духовного лидера, роль учителя. Описывая категорию *аудитория*, необходимо выявить не только «вписанную» аудиторию, но и те группы, которые исключены из аудитории адресанта. Очень важным является момент нахождения адресантом своей аудитории, иногда это означает создание роли для своей аудитории, которая была бы для нее привлекательной и которую члены аудитории захотели бы принять на себя. Так, например, президент Никсон в 1969 году в одной из своих речей обратился к аудитории как к «the great silent majority of America». Категория «тон» так же, как и все вышеуказанные категории, передается языковыми средствами. Данная категория раскрывает установку адресанта, его отношение к проблеме и аудитории. *Тон* можно описывать бесконечно, он может быть ироничным, злым, сладким, жестким, напряженным, резким и так далее (список остается открытым).

Название структур отражает принципы, согласно которым развивается дискурс:

- нарративно-драматическая (напоминает повествование, роман);
- историко-хронологическая;
- логическая (отношение между причиной и следствием, проблема и ее решение).

В качестве *вспомогательных материалов* (supporting materials) могут выступать примеры, статистические данные, ссылки на авторитетные источники, аналогии (фигуральные и литературные).

Можно добавить, что критический дискурс-анализ хотя и является наиболее молодым, его практическое значение велико. Поэтому представляется чрезвычайно актуальной систематическая разработка критического дискурса-анализа, знакомство с которым может повысить самосознание аудитории и улучшить качество самого дискурса.

⁶ CAMPBELL, K. K. *Critiques of Contemporary Rhetoric*. Minnesota, 1997.

II. Политический дискурс Дж. Буша по иракскому вопросу с позиций критической перспективы

Цель. Цель данного анализа – выявить и описать не только особенности политического дискурса Дж. Буша по иракскому вопросу, но и дискурсивные характеристики манипуляции общественным сознанием, семантику и риторику информационной антииракской операции.

Выборка. Нами было проанализировано телеобращение Дж. Буша к нации, состоявшееся 7 октября 2002 года, с использованием методики критического дискурс-анализа. Данная речь представляет интерес тем, что выступление получило широкую поддержку со стороны общественности (около 60% американцев поддержало позицию Дж. Буша).

Методология. При проведении данного анализа мы опирались на такие категории, как: *цель (интенция), персона, вторая персона* (если *первой персоной* называют роль (роли), которую принимает на себя в дискурсе адресант, то *вторая персона* – это роль (роли), созданная для аудитории дискурсом), *аудитория, тон, структура, вспомогательный материал* и др. (наклеивание ярлыков, апелляция к чувству страха, идентификация (процесс привлечения внимания, при помощи символов, к качествам и характеристикам, которые адресант и аудитория разделяют и которые объединяют членов аудитории)).

Даже при поверхностном знакомстве с данным выступлением *цель* Дж. Буша становится очевидной: убедить общественность в том, что Ирак и Хусейн несут прямую и реальную угрозу для всего человечества; что данный «очаг», «источник» зла и опасности должен быть «уничтожен».

Свое выступление Дж. Буш начинает с прямого обвинения в адрес Ирака и Хусейна: «*The threat comes from Iraq. It arises directly from the Iraqi regime's own actions – its history of aggression, and its drive toward an arsenal of terror*». Таким образом, «указывая пальцем» на источник зла и опасности для всего

мира, Дж. Буш пытается с первых секунд своего обращения погасить другие возможные альтернативы развития темы и направить мышление аудитории в нужное русло.

Дж. Буш намеренно сгущает краски, называя Ирак и Хусейна самой опасной угрозой, существующей в мире на данный момент: «*While there are many dangers in the world, the threat from Iraq stands alone – because it gathers the most serious dangers of our age in one place. Iraq's weapons of mass destruction are controlled by a murderous tyrant who has already used chemical weapons to kill thousands of people*». «*By its past and present actions, by its technological capabilities, by the merciless nature of its regime, Iraq is unique*». Таким образом, у аудитории возбуждается так называемый «иллюзорный страх», когда величина опасности, мощь, сила и возможности «врага» многократно преувеличиваются, представляются чуть ли не абсолютными, составляющими угрозу как для Америки, так и для всего мира и человечества в целом. «*It possesses and produces chemical and biological weapons. It is seeking nuclear weapons. It has given shelter and support to terrorism, and practices terror against its own people*».

В своей речи Дж. Буш неоднократно вспоминает события 11 сентября 2001 года («*We also must never forget the most vivid events of recent history. On September the 11th, 2001, America felt its vulnerability – even to threat that gather on the other side of the earth*»). «*We've experienced the horror of September the 11th. We have seen that those who hate America are willing to crash airplanes into buildings full of innocent people*». «*The attack of September the 11th showed our country that vast ocean no longer protect us from danger*»), вызывая тем самым у аудитории бурю негативных эмоций (чувства страха, ненависти), намеренно и умело концентрируемых на том образе, который необходимо разрушить, т. е. на образе Хусейна. В связи с тем, что чувство ненависти гораздо легче испытывать по отношению к конкретному человеку, чем к

какой-либо абстрактной стране или группе людей, Дж. Буш персонифицирует все зло в лице Хусейна; называет его "tyrant", "enemy", "murderous tyrant", "a homicidal dictator who is addicted to weapons of mass destruction" и так далее, используя стратегию наклеивания ярлыков. Дж. Буш сам подводит аудиторию к осознанию того, что ответный удар по «источнику опасности» является единственно существующей возможностью, поскольку все мирные способы решения конфликта якобы были использованы, но не принесли никаких желаемых результатов, в то время как мощь Хусейна продолжает расти: «After eleven years during which we have tried containment, sanctions, inspections, even selected military action, the end results that Saddam Hussein still has chemical and biological weapons and is increasing his capabilities to make more. And he is moving ever closer to developing a nuclear weapon».

Описывая такую категорию, как *тон*, следует отметить, что его можно охарактеризовать как эмоциональный, напряженный, нагнетающий обстановку. Дж. Буш широко применяет средства интенсификации, нагнетания эмоций, апелляцию к страху (чувству, которое сложнее других поддается внутреннему самоконтролю).

Потенциально Дж. Буш мог обратиться к стомиллионной *аудитории* людей с разным происхождением и установками, однако охватить каждый сегмент такой потенциальной аудитории в своем выступлении весьма сложно. Поэтому главной целью Дж. Буша были те американцы, которыми не руководило четко определенное идеологическое обязательство выступить за или против войны. Его аудиторию составляют люди с обычным американским воспитанием и жизненным опытом.

На протяжении всего своего выступления Дж. Буш создает *аудиторию* тот имидж, который является выгодным для него самого. Он делает это так, что становится очевидным то, каким образом такие понятия, как *идентификация*, *вторая персона* и *народ* (*the people*) (как риторические модели), взаимо-

действуют. Речь Дж. Буша показывает связь между этими тремя понятиями.

Дж. Буш отводит своей аудитории достаточно привлекательную роль невинной жертвы, втянутой в конфликт не по своей вине: «We did not ask for this present challenge, but we accept it». Далее Дж. Буш дает своей аудитории почувствовать свою уникальность, говоря: «Like other generations of Americans, we will meet the responsibility of defending human liberty against violence and aggression. By our resolve, we will give strength to others. By our courage, we will give hope to others. And by our actions, we will secure the peace, and lead the world to a better day». Данный имидж, имидж доброго самаритянина, является сутью американской гражданской религии («американизма»), так как он сглаживает противоречия между христианством, как вненациональной религией, и патриотизмом, как чувством национальным, государственным. Таким образом, американский народ как добрый самаритянин оказывает помощь всему миру, действуя от имени бога и всего человечества во имя светлого будущего. Приняв на себя столь привлекательную роль патриота, освободителя, борца за свободу и мир во всем мире, аудитория «обещает» своему президенту и правительству полную поддержку.

В своей речи Дж. Буш часто использует местоимения «we» и «our» как средство актуализации приема *интимизации* в целях создания контакта с аудиторией. Часто употребляя данные местоимения, Дж. Буш стремится создать у аудитории ощущение принадлежности к одному и тому же («мы»). Буш как бы говорит: «У нас общее горе, общий враг и один лишь верный путь». «Мы» объединяет аудиторию вокруг позитивного имиджа правительства и народа в целом.

В данном дискурсе Дж. Буш выступил в объединяющей *роли* лидера, в роли главнокомандующего, который хочет получить одобрение со стороны конгресса и общенности на применение силы.

Дж. Буш также прибегает к такому рито-

рическому средству, как ссылка на свидетельства и мнения экспертов и авторитетных лиц, используя в своей речи цитаты. Цитаты используются для повышения степени доверия аудитории, повышения убедительности и вескости преподносимой информации. Так Дж. Буш цитирует президента Кеннеди и бывшего главного инспектора ООН по оружию.

Таким образом, Буш использует в своем дискурсе всевозможные стратегии (такие, как персонификация, идентификация, интимизация, стратегия положительной саморепрезентации и диффамации врага и другие) для достижения своей цели. Через возбуждение негативных ассоциаций, связанных с историческими событиями (теракт 11 сентября 2001 года), через подключение эмоций, страха перед терроризмом, перед биологической угрозой (т. е. угрозой для жизни) Буш

пытается воздействовать на аудиторию. Выступления Буша выдержаны в духе наивной логики обывателя: «Хусейн – плохой, а значит, все, что он делает, плохо и опасно для всего мира». Цель Буша (декодируемая из его дискурса) – отбросить принцип соизмеримости «наказания и преступления», на это работает весь его дискурс по иракскому вопросу. Представляется очевидным и тот факт, что политический дискурс Буша способствовал распространению и укреплению различных фобий, таких как «иракофобия», «террофобия» и т. д. Результатом же распространения ксенофобии является отрицание гражданской свободы. Дискурс Буша работает на легитимизацию, на признание законным использования силы «большим» против «маленького», т. е. на укрепление неравенства и несправедливости в мире.

Elena E. Chizhevskaya

Belarusian State University

TRANSFORMATIONS OF BRITISH AND AMERICAN TRADITION IN THE PRACTICE OF CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS

Summary

In the present work, an attempt to provide an overview of some important theoretical and methodological aspects of Critical Discourse Analysis is made; central and relevant concepts, terms, and categories of Critical Discourse Analysis are presented.

The roots of Critical Discourse Analysis lie in classical rhetoric, text linguistics and sociolinguistics as well as pragmatics.

Critical Discourse Analysis is a type of discourse analytical research that primarily studies the way social power abuses, how the dominance and inequality are enacted, reproduced and resisted by a text and talk in social and political contexts. Critical Discourse Analysis takes an explicit position, and thus wants to understand, expose, and ultimately resist social inequality. The subjects under investigation differ depending on various institutions and scholars who apply Critical Discourse Analysis. Gender issues, issues

Jelena E. Čiževskaja

Baltarusijos valstybinis universitetas

EUROPINĖS IR AMARIKIETIŠKOS TRADICIJOS SANKIRTOS KRITINĖS DISKURSO ANALIZĖS PRAKTIKOJE

Santrauka

Straipsnyje apžvelgiami kai kurie svarbiausieji teoriniai ir metodologiniai kritinės diskurso analizės aspektai, taip pat pateikiamos reikšmingiausios sąvokos, terminai, kategorijos – kaip tai šiandien traktuojama Europos ir Amerikos mokslinių tyrimų erdvėje. Kitaip tariant, kritinė diskurso analizė yra interdisciplininis mokslas, ir todėl ji stipriai susijusi su klasikine retorika, teksto lingvistika, sociolingvistika ir pragmatika. Kritinė diskurso analizė – tai diskurso analitinio tyrimo tipas, kuriuo pirmiausia aiškinamasi, kaip piktnaudžiavimas socialine valdžia, socialinis viešpatavimas ir nelygybė funkcionuoja, reprodukuojasi ir kartu reiškiasi tekste bei kalboje, atsižvelgiant į politinį ir socialinį kontekstą. Jo tikslas – socialinės nelygybės supratimas ir demaskavimas, o galiausiai – priešinimasis visoms nelygybės formoms, tarkim, genderizmui, rasizmui ir pan. Kalba savaime neturi galios, tą galią suteikia jos vartotojai – valdžią turintys žmonės. Tai paaiškina

of racism, media discourses, and political discourses have become very prominent.

For Critical Discourse Analysis, language is not powerful in itself – it gains power being used by powerful people. This explains why Critical Linguistics often critically analyses the language use of those in power, who are responsible for the existence of inequalities, and who also have the means and opportunities to improve conditions.

In conclusion, theoretical approach is followed by examples (critical analysis of President Bush's political discourse on Iraq question).

KEY WORDS: political discourse, critical discourse analysis, power, intention, persona, audience, tone, strategy, identification, intimidation, personification.

faktą, kodėl dažniausiai analizuojama kalba tų valdžios žmonių, kurie yra atsakingi už tai, kad egzistuoja nelygybė, kurie turi priemonių ir galimybių pakeisti padėtį. Teoriniai kritinės diskurso analizės klausimai straipsnyje iliustruojami Dž. Bušo politinio diskurso (Irako problema) analize.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: politinis diskursas, Irako problema, kritinė diskurso analizė, valdžia, strategija, intencija, persona, auditorija, tonas, intensifikavimas, personifikacija, intimizacija.

Gauta 2003-05-09

Spaudai įteikta 2003-09-17